

УДОВОЛЬСТВИЕ ОТ ТЕКСТА

Н.Ф.КАЛИНА

Чтение статей по психотерапии иногда вызывает смутную тоску по системе традиционной доказательности. В большинстве публикаций есть подробные описания случаев из практики, анализ используемых теоретических посылок и концептуальных представлений, приемов и техник, собственных находок или трудностей, рассуждения о добре и зле – всё, что угодно, кроме проверки гипотез и допущений автора классическими статистическими методами. И вот уже слышишь мимоходом от студентов: «Психотерапия – это замечательно, и к тому же матстатистику учить не надо».

Статья М.В.Молоканова и З.Р.Хайруллиной, опубликованная в четвертом номере журнала за 1994 год, является приятным исключением.

Корректно и четко сформулированная гипотеза, стройная система анализа данных, забытые многими прелестные непараметрические критерии достоверности различий... Обсуждаемый материал исчерпывающе представлен в таблицах, что помогает не только следить за логикой авторов, но и делать выводы на основе собственных размышлений. Работы такого стиля (хотя их, к сожалению, немного) способствуют более адекватному и заинтересованному отношению к тем направлениям и школам психотерапии, которые по разным причинам успели обзавестись у нас устойчивым душком паранаучной рациональности. Вместе с благодарностью авторам и восхищением их работой хочется выразить надежду, что подобных публикаций в психотерапии станет больше.

ПСИХОЛОГИЯ ПОДЛИННОСТИ ЖИЗНИ

М.К.Мамардашвили. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). – Москва, Ad Marginem, 1995.

Посмертная книга М.К.Мамардашвили представляет собой запись его лекций, прочитанных в 1982 году в Тбилиском университете. Она

посвящена пути духовного поиска в рамках жизненной задачи спасения, поводырями на этом пути для автора и читателя будут Пруст и Данте, Достоевский и Декарт. Жизнь в этой книге понимается как «мания и смелость – поставить себя целиком на карту. S'engager – «ввязаться». Но ввязаться не умом, не просто смотреть, а ввязаться, поставив свое тело, плоть свою и кровь на карту... Ты достоверно присутствуешь, будучи поставлен на карту. И только в свете этой достоверности всё, что можно с нею сопоставить, соотнести, может получить признак истинности» (с.14). Жизнь возможна лишь как подлинное, достоверное присутствие в бытии, маркированное *освобождающей радостью* (термин Пруста).

Есть множество помех подлинной жизни, в самом человеке и вне его. М.К.Мамардашвили описывает три основных психологических механизма, которые не дают нам узнать себя – страх, лень и надежду. Страх, «закрывающий нам колодец души», – это страх узнать реальное положение вещей, узнать, чем на самом деле мы являемся. Это страх расстаться с привычными, возвышающими нас представлениями о себе, со своими рационализациями и защитами. «Вместо того, чтобы углубиться в экзистенциально важное впечатление, уникальное для тебя, ты отложил на завтра и решил, что об этом можно будет прочитать в книге, что об этом знает кто-то другой и расскажет тебе в дружеской беседе. Это и есть лень» (с.20). Надежда на то, что всё само собой как-то образуется, утрясется, что не надо ничего специально предпринимать, всё и так будет хорошо. Надежда в противовес решительности, смелости начать всё сначала. Надежда, что вместо достоверного присутствия в бытии можно обойтись вполне достойным прозябанием, ничего не поставив на карту.

Анализируя привычки отечественной ментальности, М.К.Мамардашвили использует философский принцип «здесь-и-теперь», у читателя-психолога, скорее всего, ассоциирующийся прежде всего с принципом гештальт-терапии Ф.Перлза.

«Решающий внутренний психологический и социальный механизм русской, российской культуры можно, я думаю, выразить несколькими словами: всегда – завтра, всегда – вместе и всегда – в один сверкающий звездный час. А сегодня можно делать, что угодно. Как выразился Достоевский: вымажемся, выпачкаемся и потом каким-то неизвестным путем все – в один час и все вместе – станем красивыми, добрыми и свободными. Каждый раз непонятно только, каким образом из соединения десяти пальцев получится справедливое и умное состояние. Каким образом из продолжения заблуждений в один прекрасный день получится истина. И каким образом из безнравственности, практикуемой на каждом шагу, получится какая-то ослепительная и притом совместная нравственность. Если вы задумаетесь о почти магнетическом действии этого комплекса, то поймете, какое значение имеет внешне безобидно выглядящий философский тезис: hic et nunc – здесь и сейчас» (с.34).

Чтение «Лекций о Прусте» обнаруживает новые грани проблемы, в той или иной форме встающей перед каждым психотерапевтом, – проблемы «высвобождения из траекторий многих миров так, чтобы оказаться на Пути». Общение с текстом Мамардашвили может стать для психолога тем, чем было для самого Мераба Константиновича общение с текстами Пруста – средством развития его собственных духовных сил и способностей, способом осмысления переживаний и опыта его собственной жизни. Принцип такого общения блестяще выражен прустовской метафорой: «Мы с эмоцией вспоминаем слова, которые друг нам сказал, считая их драгоценным вкладом в нашу жизнь, хотя на самом деле мы вовсе не здания, к которым снаружи можно добавлять камни. Мы вовсе не дома... а скорее деревья, которые из собственного сока извлекают следующий узел своего ствола» («Беглянка»).